ДНЕВНИК
советского школьника

Лев Федотов

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф32

Федотов, Лев Федорович.

Дневник советского школьника. / Л. Ф. Федотов; д.и.н., проф. НИУ ВШЭ И. В. Волкова. – Москва: АСТ, 2015. — 352 с.

ISBN 978-5-17-089848-0.

Перед вами необычный дневник необычного человека, которого считали самым знаменитым вундеркиндом XX века и пророком, пред-сказавшим войну. «Я думаю, что война начнется или во второй полови-не этого месяца (т. е. июня) или в начале июля, но не позже; ибо ясно, что германцы будут стремиться окончить войну до морозов». Записал Лева Федотов в своем дневнике.
Этот удивительный мальчик жил в знаменитом доме на Набереж-ной в 40-х годах XX века. Он поражал воображение сверстников. Он потрясающе рисовал и интересовался всем на свете – минералогией, палеонтологией, океанографией и историей, писал симфоническую музыку и романы в толстых тетрадях. Мальчики смотрели на него как на чудо, а девочки побаивались и нежно звали «Федотик». В остальном это был самый обыкновенный мальчик, московский школьник, кото-рый бегал по дворам с друзьями, дрался, спорил и иногда даже убегал с уроков. О своей жизни он очень живо и с юмором поведал в дневнике. Будущее сулили ему удивительное, он мог стать гениальным музыкан-том, ученым или писателем… Наступал 41-й год…

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089848-0 © ООО «Издательство АСТ», 2015

Ф32

— 3 —

Предисловие

Феномен Льва Федотова

Автор дневника, с которым предстоит познакомиться читате-лю — Лев Федотов прожил всего двадцать лет, в которые умести-лись девять классов школы, пребывание в эвакуации, призыв в дей-ствующую армию в апреле 1943 г., короткое военное обучение под Тулой и гибель под вражеской бомбежкой 25 июня 1943 г. в той же местности. Ни реализованных жизненных планов, ни подвигов на войне. На это просто не хватило времени…
И все же вопреки всем объективным обстоятельствам, его имя получило широкую известность. Прежде всего, за счет той памяти, которую сохранил круг его друзей по школе, дому, внешкольным за-
нятиям.

Вначале о незаурядном подростке, прозванном когда-то в шко-ле «Гумбольдтом», «Леонардо из 7 «Б», поведал его друг детства Юрий Трифонов: в романе «Дом на набережной» он вывел его в образе Антона Овчинникова. А в интервью «Литературной газете» от 5 октября 1977 г. писатель рассказал: « … В детстве меня пораз-ил один мальчик… Он был так не похож на всех! С мальчишеских лет он бурно и страстно развивал свою личность во все стороны, он поспешно поглощал все науки, все искусства, все книги, всю музы-

ку, весь мир, точно боялся опоздать куда-то. В двенадцатилетнем возрасте он жил с ощущением, будто времени у него очень мало,

Лев Федотов

— 4 —

а успеть надо невероятно много». Далее писатель перечислял все те разнообразные увлечения и занятия Левы, в которых он добил-ся немалых успехов. Это минералогия, палеонтология, океаногра-фия, рисование, музыка, физические тренировки по собственной системе, наконец, сочинительство романов — занятие, к которому

он приохотил некоторых из своих друзей, в частности, Юрия Три-фонова и Михаила Коршунова, ставших впоследствии известными писателями. По мнению Трифонова, Лева Федотов был всесторонне развитой личностью, при этом сформировавшей себя совершенно
самостоятельно.1

Однако и эти представления о давно ушедшем юноше оказались неполными. Некоторое время спустя, готовясь к премьере спекта-кля по своему роману «Дом на набережной» в Театре на Таганке, Ю. Трифонов попросил у матери Левы несколько сохранивших-ся тетрадей его дневника. Рассчитывая всего лишь отыскать кое-какие яркие детали из жизни обитателей дома, писатель нежданно-негаданно натолкнулся на поразительное по своей точности про-гностическое описание Великой Отечественной войны, сделанное как минимум за две с половиной недели до ее реального начала. Эта находка поразила его и даже изменила сценарий спектакля: дневник Левы и некоторые из его героев, в частности мать и тетка автора, стали его полноправными действующими лицами. А даль-ше… имя Левы Федотова, известное в узких кругах жителей Дома на набережной, облетело всю страну. Этот мальчик еще раз возник в творчестве Трифонова — на этот раз как Леня Крастынь (Карась) — персонаж последнего, неоконченного романа «Исчезновение». Ему посвятили пространные очерки известные журналисты О. Кучки-на, А. Аджубей; полные восхищения и пиетета — мемуарные зари-совки бывшие школьные товарищи.2
В 1986 г. был снят талантливый документальный фильм А. Иван-кина и Л. Рошаля — «Соло трубы» о супружеской паре революцио-неров Федотовых и их разносторонне одаренном сыне, вызвавший огромный всплеск интереса к его дневнику и личности. Но и в этой ленте сюжетный узел составило предсказание хода войны. А в 1990 г.

1

Цит. по: Трифонова О. Р. О времени и о судьбе. // Трифонов Ю. Отблеск костра. Старик. Исчезновение. М., 1988. С. 550.
2

Кучкина О. Ребята из дома на набережной.// Комсомольская правда. 1987,
17 января. С. 4; Аджубей А. Мальчик из Дома на набережной. // Московские ново-сти. 1986, 26 октября. С. 12. Наиболее интересными из мемуаров являются: Коршу-нов М., Терехова В. Тайны и легенды Дома на набережной. М., 2002.

Дневник советского школьника

— 5 —

Ю. Росциус — автор, специализирующийся на исследовании ано-мальных явлений, выпустил брошюру под характерным названием «Дневник пророка», где были воспроизведены те самые знаменитые страницы дневника. Эта публикация заложила трактовку личности автора как проводника неких трансцендентных сил, писавшего

свои провидческие заметки о будущем в режиме автоматического письма. Причисленный к ведомству Нострадамуса, Лева стал фигу-рантом многочисленных интернет–ресурсов футурологической на-правленности и занял почетное место в номинации «великие про-

рицатели будущего», его имя обросло вымыслами и легендами. На волне этой «славы» резвые тележурналисты отсняли фильм «Про-рыв в бездну», в котором фигурировала отысканная безымянными диггерами в подземельях Берсеневки тетрадь Федотова «История будущего». По словам авторов фильма, в ней содержались предска-зания, относящиеся к началу XXI в.: запуск андронного коллайде-ра, избрание и последующее убийство первого чернокожего пре-зидента в США. Правда, само вещественное доказательство столь сенсационных признаний так и не было предъявлено, ну а жареные факты остаются на совести создателей киноленты.
Мы утверждаем: феномен Льва Федотова не укладывается в фор-мат оракула, который ему постарались придать авторы ряда публи-каций.

Лев Федотов

— 6 —

****

Он появился на свет в семье, которая не только приняла и под-держала русскую революцию, но и вообще состоялась благодаря
ей.

Глава семьи — Федор Каллистратович родился в 1897 г. в дерев-не Глубокий Ров Сувалкской губернии в большой крестьянской се-мье. Правда, как утверждал он сам в автобиографической справке, в 1900 г. из-за малоземелья его отец порвал с крестьянским трудом

и переехал в город, где пробавлялся разными черными работами. Этому человеку выпал удел пожизненной бесприютности и нужды. Именно такой образ вырисовывается из тех же показаний Федора от 1931 г., где он упоминал о том, что его отец трудился вплоть до 76-летнего возраста, в последнее время сторожем на Турксибе, и лишь совсем недавно переселился на постоянное проживание в коммуну

«Ленин». Мы не знаем, почему ни один из семерых детей не взял на себя заботу о престарелом отце. Возможно, они не могли себе этого позволить по материальным и жилищным условиям, а, что еще бо-лее вероятно, старик из гордости не захотел становиться иждивен-

цем. Глухое указание на последний излом этой тяжелой судьбы со-держится в дневниковой записи внука под датой 19 октября 1940 г., кратко сообщающей о вынужденном расставании стариков — ро-дителей Федора Каллистратовича: бабушка уехала из Москвы до-живать свой век к дочери в Западную Белоруссию, а дедушка пере-брался в дом престарелых. «Вот и кончилась навсегда их дружная совместная жизнь», — так почти бесстрастно зафиксировал Лева эту человеческую трагедию.

Как бы то ни было, но и сыну Каллистрата выпала кочевая, пол-ная испытаний жизнь. Он рано встал на путь политической борьбы, а после провала некоей неназванной в автобиографии организа-ции, в которой состоял (эсеры, анархисты?), бежал за границу. Уже в США в 1914 г. он вступил в РСДРП (большевиков). В 1915–1916 гг. в качестве руководителя Союза портовых рабочих он организовы-вал забастовки грузчиков на Великих Озерах, участвовал в созда-нии Американской коммунистической партии. За революционную деятельность Федор Каллистратович несколько раз подвергался аресту, причем по последнему приговору он был осужден на 10 лет заключения в каторжной Трэнтонской тюрьме. Совершив оттуда дерзкий, в стиле голливудских вестернов, побег, он направился в

Дневник советского школьника

— 7 —

советскую Россию. Здесь его ждали признание, карьера и литера-турные занятия. По его собственным словам, с 1920 г. он был занят на ответственной партийной работе поочередно в Московской гу-бернии, Семиречье, на Кузбассе и в Средней Азии. Помимо того, он писал очерки и заметки для «Правды», являлся ответственным редактором печатного издания «Красный луч», а также членом ред-коллегии журнала «Новый мир»3

.

Судя по всему, его сильно влекла литература: ведь исполняя весьма хлопотные обязанности партийного работника, он исхи-трялся выкраивать время для творчества. Им были написаны и из-даны два романа-очерка: «Желтая чума», посвященный Монголии, и «Пахта». За недолгие 36 лет своей жизни Федор Федотов успел увидеть свет, закалить волю, приобрести организационные навы-ки, развить способности к сочинительству и потрудиться на бла-го советской модернизации. Погиб он на боевом посту: в августе 1933 г. объезжая сельскохозяйственные угодья на Алтае, где служил начальником политотдела зерносовхоза, то ли был убит, то ли уто-нул сам в неглубокой речке во время эпилептического припадка. Свидетелей не нашлось, и подлинные обстоятельства смерти так и
остались невыясненными.

Отец и сын, по словам матери, были не разлей вода, хотя вместе из-за частых отлучек Федотова–старшего им довелось провести не так уж много времени. Из материального достояния от отца Лева получил немногое. Это — золотые часы, подаренные американ-ским другом в знак восхищения побегом из тюрьмы, сделанный для сына рисунок колец Сатурна и, конечно же, служебная квартира, хотя и самая скромная, в Доме правительства на Берсеневской на-бережной. А вот нематериальная часть отцовского наследства была неизмеримо больше. Прежде всего, Федор Каллистратович передал сыну бойцовские качества, страсть к познанию мира, склонность к литературе и… личностную незаурядность. Современные психоло-ги и генетики утверждают: ребенок с задатками гения чаще всего рождается от союза обычного человека с необычным, притом отя-гощенным какой-либо психической патологией4

. Если вспомнить

3

ГАРФ. Ф. 9577 (коллекция документов личного происхождения), оп. 1. Ед. хр.
856. Лл. 1–1 об.
4

Колупаев Г. П., Клюжев В. М., Лакосина Н. Д., Журавлев Г. П. Экспедиция в гени-альность. Психобиологические описания жизни и творчества великих людей. М., 1999. С. 13–14, 66.

Лев Федотов

— 8 —

об эпилепсии Федора Каллистратовича, то, с этой точки зрения, следует признать высокую предрасположенность его сына быть от-меченным природными дарами.

Перешла ли Льву и болезнь отца? Если основываться на ху-дожественной проработке его личности в последнем романе Трифонова, где он выведен в образе Лени Крастыня, то ответ бу-дет положительным. Если на воспоминаниях ближайшего друга М. Коршунова и соученицы В. Тереховой, то — отрицательным. Впрочем, ни в дневниках, ни в сохранившихся личных докумен-тах Льва такой факт не находит подтверждений. Можно привести и весомые косвенные аргументы: вряд ли столь серьезный диа-гноз допускал армейскую службу, да и мама Льва в таком случае обязательно пустила бы в ход этот аргумент в военкомате. Между тем в своей робкой материнской попытке оградить его от при-зыва в армию во время войны она ссылалась только на его плохое зрение и ослабленный слух. К тому же при такой болезни ему были бы противопоказаны длительные отъезды из дому. Между тем Лева выезжал и в Звенигород, и в Одессу, и в Николаев. Он один ездил в начале 1941 г. в Ленинград, равно как намеревался летом 1941 г. двинуться туда пешком, если только этому не поме-шает война.

С 1933 г. единственной опорой Левы являлась мать. Правда, до совершеннолетия от государства ему была выделена маленькая пенсия за отца. А сослуживцы и товарищи по партийной работе Федора Федотова постарались помочь и дальше. В 1940 г., в пред-дверии восемнадцатилетия Левы, они поддержали ходатайство вдовы в наркомат социального обеспечения о выделении пожиз-ненной пенсии за скончавшегося мужа с тем, чтобы она могла содержать сына и дать ему высшее образование, как мечтал сам Федор Каллистратович5

. Эти деньги и маленькая зарплата самой
Розы Лазаревны составляли весь источник существования семьи. Конечно, образ ее жизни на грани нужды сильно отличался от привычек и стандартов потребления, которые были характерны для многих жильцов престижного дома. Друг детства Левы Артем Ярослав вспоминал: Федотовы жили в тесной, однокомнатной квартирке дома на первом этаже, предназначавшейся для вахте-ра. Единственной ценной вещью в этом жилище было пианино, приобретенное на сэкономленные деньги. При всех трудностях

5

ГАРФ. Ф. 9577, оп. 1. Ед. хр. 851 (коллективное заявление в НКСО). Л. 1.

Дневник советского школьника

— 9 —

Роза Лазаревна старалась создать условия для развития наклон-ностей сына. Помимо пианино, на котором он разучивал уроки по музыке и подбирал по слуху полюбившиеся мелодии, в доме всегда имелся определенный запас альбомов, кистей, красок, ка-рандашей, ватманской бумаги, который служил его увлечению живописью6

.

Воздавал ли Лева должное тем подвижническим усилиям, кото-рые прилагала мать, чтобы обеспечить их быт и дать ему образова-ние? Безусловно, да — об этом говорят, пусть и немногочисленные, замечания по разным поводам в дневнике, показывающие привя-

занность и уважение к ней. Был ли сын так же близок к матери, как некогда к отцу? Безусловно, нет. Михаил Коршунов свидетельство-вал: единственным, что Леве никак не удавалось в области рисова-ния, был портрет матери. Бумага предательски начинала «пищать» с первой же попытки сделать набросок7

. Да и несколько отчужден-
ное определение «мамаша», «родительница», которым за глаза и

в дневнике чаще всего он обозначал свою маму, подчеркивало их удаленность друг от друга. Действительно, при всей взаимосвя-занности их интересы и жизнь разворачивались в разных плоско-

стях. У сына — в плоскости напряженной мыслительной работы, обдумывания прорывных идей в области естествознания, упорной самоподготовки к предстоящей миссии ученого. Мир матери был ограничен заботами о хлебе насущном, делами и событиями в ее обширном родственном кругу.
Роза Лазаревна родилась в 1895 г. в Севастополе. Она была млад-шей дочерью в большой еврейской семье, относившейся к мещан-скому сословию. Согласно автобиографии, окончив начальную школу, в возрасте 12 лет по воле матери она поступила ученицей в шляпную мастерскую. Возможно, такое решение было вызвано необеспеченностью семьи, возможно, немолодые родители хотели пораньше поставить девочку на ноги, дав ей надежную профессию. Cогласно той же автобиографии, на момент Октябрьской револю-ции родителей Розы уже не было в живых. Отчасти их заменили ей старшие сестры и братья. В 1911 г. вслед за старшей сестрой она уехала вначале в Париж, а затем в Нью-Йорк, где работала по своей специальности. В Америке стала членом профсоюза шляпочников

6

Воспоминания Ярослава А. Я. О бойце Красной армии Федотове Л. Ф. // ГМОМ (Государственный музей обороны Москвы). Архивный фонд. Ед. хр. 3076. Л. 1.
7

Коршунов М. П., Терехова В. Р. Указ. соч. С. 167.

Лев Федотов

— 10 —

и модисток и в апреле 1917 г. вступила в партию большевиков. Здесь же на одном из партийных собраний произошла встреча с Федором Федотовым, перевернувшая ее судьбу. В сентябре 1920 г. они вме-сте вернулись в Россию, где получили прописку по адресу: Москва, Тверская, дом 11/17, квартира 425. Именно такой адрес проживания родителей был указан в свидетельстве о рождении 10 января 1923 г. их сына Льва. Интересно, что этот брак не был официально заре-гистрирован: такая информация значится в особом примечании к справке ЗАГС8

. Однако сам по себе этот факт не отражал времен-
ность или несерьезность отношений. Точно так же, пренебрегая традициями прошлого, в гражданском браке вполне счастливо жили тогда многие молодые пары, включая и представителей со-ветской партийно-государственной верхушки, вроде Хрущевых или Микоянов.

В Москве Роза Маркус вначале работала в детском саду, затем в агитационном отделе Московского комитета партии, а с 1935 г. и до конца своей трудовой деятельности в Московском театре юно-го зрителя костюмершей9

. Пропадая целыми днями на работе, и
в силу занятости, и в силу небольшого культурного багажа она не могла не только направлять образование сына, но даже и осмыслить его искания и увлечения.

Впрочем, человек, к которому вполне применимо известное определение self-made man, и не нуждался в руководстве. По части организации своего развития и образования Лева мог дать фору и маститым взрослым наставникам. Не случайно главенствующим мотивом воспоминания о нем повзрослевших и даже состаривших-ся сверстников и десятилетия спустя являлось смешанное с восхи-

щением удивление широчайшим репертуаром его возможностей. Помимо начитанности по всем перечисленным Ю. Трифоновым отраслям знания, литературного сочинительства, детскую компа-

нию захватывали его необычные навыки и привычки. Они сближа-ли его с волевыми героями Джека Лондона или, по крайней мере, с Рахметовым Н. Г. Чернышевского.
Прежде всего, это были тренировка и укрепление собственно-го организма. Слабый от рождения, часто болевший в детстве и даже остававшийся на второй год из-за туберкулеза легких Лева к пятнадцати-шестнадцати годам существенно оздоровился, глав-

8

ГАРФ. Ф.9577, оп. 1. Ед. хр. 858. Л. 1.
9

ГАРФ. Ф.9577, оп.1. Ед. хр. 850. Лл. 10–10 об.

Дневник советского школьника

— 11 —

ным образом, за счет суровой закалки. Вплоть до глубокой осени он ходил в коротких брюках, а до наступления лютых зимних мо-розов не надевал головного убора и пальто, невзирая на протесты матери. Несколько раз усилием воли ему удавалось за сутки снять острую фазу малярии, дифтерита и стрептококковой ангины. (А при желании, как это было на рубеже весны-зимы 1941 г., ког-да потребовалась передышка от школьных уроков, внешние сим-птомы болезни мог растянуть на полтора месяца ради врачебной справки).
Щуплый и малорослый паренек, когда было надо, мог постоять и за себя, и за товарища. Один из таких эпизодов описан в романе «Исчезновение». Выручая друга, он разогнал напавших на него от-петых хулиганов, прозванных в округе «трухлявыми». В этом и по-добных случаях Леву выручало не только владение приемами джиу-джитсу и авторская тренировка ребра ладони, обеспечивавшая разящий удар в драке. Еще более важным фактором победы, всегда неотразимо действовавшим на противника, являлась его «фирмен-ная» способность впадать в ярость. Резкая перемена облика, демон-стрировавшая полную мобилизованность и исступление атаки, как правило, обращала в бегство нападавших прежде, чем те успевали испытать на себе силу приемов или ребра ладони. В современных понятиях эта способность управления экстремальной ситуацией сопоставима с техниками бесконтактного боя, которые являются уделом избранных ратоборцев. Впрочем, как это свойственно и по-следним, данные умения Лев Федотов никогда не пускал в ход без крайней нужды.
Столь же упорно, как и физическую выносливость, он взращивал в себе хладнокровие и бесстрашие. «Тайное общество испытания воли» — дворовая организация подростков из Дома на набереж-ной не обошлась без его участия. Членство предоставлялось толь-ко тем, кто готов был рискнуть немного немало здоровьем и даже жизнью, пройдя от края до края по перилам балкона девятого этажа или по парапету ограды набережной Москва–реки! Возможно, эти упражнения несколько блекнут на фоне распространенных среди сегодняшних тинейджеров экстремальных видов спорта, однако, для более «вегетарианских» в этом отношении времен они пред-ставляли собой запредельный опыт. К нему следует присовокупить и исследование пещер Звенигорода, где он побывал летом 1938 г., и погружение в подземные ходы, прорытые под церковью Николы

Лев Федотов

— 12 —

на Берсеневке. Ему — самому худому из трех участников этой экс-педиции — выпала роль центрового в операции проникновения в

глубинные отсеки подземных коммуникаций. По ходу путешествия возникла критическая ситуация, когда, достигнув крайнего суже-ния в проходе, Лева капитально застрял. Спасли его личное само-обладание и помощь товарищей, резким усилием выдернувших его из опасного тупика.

Но и приведенными качествами не исчерпывался феномен Льва Федотова. Он был музыкально одарен, и важную часть его жизни составляли занятия с композитором и педагогом М. Н. Робером, обучавшим его на профессиональном уровне музыкальной грамо-те и игре на фортепьяно. Лева владел классическим репертуаром пианиста, знал историю музыки, в особенности хорошо разбирался в творчестве Дж. Верди. Его любимой оперой была «Аида», кото-рую он, не имея нот и партитуры, по слуху восстановил для себя от первого до последнего акта. Более того, он умел стереофонически проигрывать ее в мозгу так, как если бы он слушал ее из первого ряда партера. Наслаждаясь музыкой, он мог одновременно поддер-живать разговор и оставаться включенным в текущую ситуацию,

заставляя свое сознание одновременно работать в нескольких ре-гистрах.

Лев Федотов прекрасно рисовал, несколько лет посещал сту-дию Центрального дома художественного воспитания (в просто-речии: «Цедеход»). Однако, не имея намерения посвятить жизнь изобразительному искусству, он прервал эти занятия, несмотря на все уговоры родных и близких. При этом, как можно понять из за-писанного в дневнике разговора с мамой товарища по «Цедеходу» Евгения Гурова, Лева и не думал отказываться от дальнейших опы-тов в живописи. Однако он отводил им подчиненное место в своей предстоящей профессиональной деятельности.
Женина мамаша все время уговаривала меня стать художни-ком, а науками заниматься, как любителю; на это я ответил, что быть художником по профессии, дополнительно имея дело с науками, во много раз труднее и неудобнее, чем в основном быть научным работником и художником дополнительно… всякий уче-ный может достать краски, но не всякий художник способен при-обрести целую лабораторию.

Дневник советского школьника

— 13 —

Итак, через все годы детства и юности Льва Федотова, помимо изучения естественных наук, физической подготовки, прошли се-рьезные увлечения музыкой и живописью, с которыми он не соби-рался расставаться и впредь. Как же все эти занятия сопрягались с тем главным предназначением, которое он предусматривал для

себя? Однако прежде чем перейти к этому вопросу, следует остано-виться на определенных поведенческих нормах, которым он неу-клонно следовал в сознательном возрасте.

Это — абсолютное небрежение эстетикой одежды. Она была у него всегда опрятной, но «ниже среднего» даже на фоне аскетиче-ского дресс-кода 1930-х. По словам друга Артема Ярослава, он вечно «ходил в каких-то перелицованных куртках, коротких штанишках,

из-под которых были видны голые худенькие коленки»10. Конечно, за этим внешним видом скрывалась отчаянная борьба за существо-вание, которую вела Роза Лазаревна, стараясь и накормить сына, и обеспечить его потребности в различных занятиях. Однако, по-хоже, дело было не только в этом. Так, перед поездкой на зимние каникулы в Ленинград в самом конце 1940 г., мать и тетка убеждали его взять с собой лучшие предметы гардероба, которые, надо ду-мать, все же были припасены заботливой родней. Ответом на эти увещевания было категорическое несогласие, которое в дневнике
он пояснял так:

… опрятность и простоту костюма я больше ценю, чем разные глаженые галстуки, пиджаки и т. д. Пусть на мне будет простая рубашонка, но, если она будет опрятной, мне ничего и не нужно больше. Я, как дурак, слушал наставления взрослых, излагающих мне свои предложения насчет одежды, но я и признавать не хотел их всякие пиджаки, да какие-то там части хламиды.

Еще большую непреклонность Лева проявлял в отношении ал-коголя. Так, встречая новый 1941 год в кругу ленинградских род-ственников и их друзей, он наотрез отказался даже пригубить бо-кал вина. Не помогли ни уговоры всей компании, ни даже подначка любимой двоюродной сестры.
Немного значила для него и еда: порой, уходя с головой в какую-либо творческую работу, он вообще забывал о ней, и оставленная матерью тарелка оставалась нетронутой. В дневнике мы не найдем описаний трапез или хотя бы кратких сведений о кушаньях дома

10 Ярослав А. Указ. соч. Л. 1.

Лев Федотов

— 14 —

или в гостях. Единственное исключение составляет его пребы-вание в Ленинграде у родственников, которое он зафиксировал с большой тщательностью. Только в этом отчете встречаются упо-минания о том, что однажды они все вместе лакомились гусиной шейкой с соусом, что он получил дополнительную порцию пирога в честь своего дня рождения. Или о том, как он кормил двоюродную племянницу Нору, оставленную вечером на его попечении, или как вместе с Женей Гуровым они весело уплетали соевые батончики, гуляя по Невскому. Еще раз этой темы он бегло касался в описании первого месяца войны. Кусок жареного хлеба на ужин, горсть со-сисок по месячной карточной норме, полученная другом Мишей в счет мясного довольствия, — эти «гастрономические» детали в по-

вествовании приводились в разрезе примет войны, ворвавшихся в обиход москвичей. Можно с уверенностью утверждать, что при умеренности и абсолютной неразборчивости Левы в еде переход к военным нормам потребления дался ему много легче, чем осталь-ным ребятам из его дома.
И еще одна характерная черта, выделявшая его среди сверстни-ков. Во дворе Дома на набережной, как, впрочем, и в любом дру-гом, жизнь била ключом: играли в двенадцать палочек, казаков-разбойников, футбол, волейбол, порой устраивали шутейные ры-царские турниры, а иногда ребята пуляли из рогаток в голубей11

.

Лева оставался в стороне от всей этой детской кутерьмы, разве что изредка поглядывая на нее через окно. Все это для него было пу-стым времяпрепровождением, которое он отвергал, как и вообще всякое безделье и праздношатание. «Ничего не делать — это для меня безвозвратно потерянное время — просто, короче говоря, могила!» — так он сам сформулировал свое кредо. В этой же связи стоит заметить, что и для сна он урывал лишь самое малое время. Дневниковые записи он частенько заканчивал в полуночное время, а некоторые свои дела успевал сделать до начала утренних школь-

ных занятий, соответственно поднимаясь много раньше, чем его одноклассники и население их маленькой квартиры (мама и часто гостившие родственники).
По мере взросления у подростков обострялся интерес к проти-воположному полу. Пуританские нравы 1930-х не исключали вече-ринки с танцами под патефон, передачу друг другу записочек —

11 Одна жизнь. Воспоминания Владимира Шварца. // Журнал «Самиздат». http://samlib.ru/n/nikolaj_b_d/nnikolaj_b_dschwarz.shtml.

Дневник советского школьника

— 15 —

так называемых «лотов» (расшифровывавшихся как «люблю тебя очень») и проявление других знаков симпатии. Для Левы эти вы-ражения взаимного влечения полов были табуированной зоной. Еще на пике детской дружбы и солидарности с Юрой Трифоновым они поклялись друг другу в том, что никогда не женятся. И если в своей последующей жизни Юра пренебрег обетом, то Лева, стано-вясь старше, не менял изначальной позиции. Ему было явно не по себе от навязчивого внимания одноклассницы, заинтригованной его безразличием к женским чарам и какой-то своей напряженной жизнью. Он даже не попытался спрятаться за ширму приличий, от-казывая ей в просьбе показать рисунок Исаакиевского собора, ко-торый он скрупулезно отделывал дома:
— Мне просто нет смысла для каждого желающего трево-жить плоды своих трудов. Я вообще не охотник широкого распро-странения их..
— Значит, ты эгоист!
— Хорошо! Пусть эгоист, подлец, бандит, мерзавец! Пусть мо-
шенник! — меня это все мало задевает.
— А ведь это нехорошо!
— Ну и чересчур стараться тоже не следует! — ответил я. —
Совать в глаза свои творения, как бы они плохи или удачны ни были, каждому желающему встречному тоже не очень-то хорошо.

Весной 1941 г., когда происходил этот диалог, Льву Федотову шел девятнадцатый год. В этом возрасте мальчишеская нарочитая грубость как демонстрация мускулинности, как правило, является пройденным этапом. Стало быть, речь идет не об издержках пубер-тата, а о сознательном избегании даже намека на романтические
отношения.

Осведомленный об этой истории товарищ пытался было попе-нять ему на некорректное поведение, однако натолкнулся на суро-вую отповедь:

Я признаю всеобщее равноправие! Хотя, правда, я к ней немного грубо относился, но уж господь бог меня, видимо, простит. У меня к каждому человеку, к какому бы он полу ни принадлежал, суще-ствуют близкие, дружественные, искренние чувства товарище-ства, если он только порядочный смертный и взамен платит мне тем же. А выделять баб из всей среды людей как созданий, к ко-торым мы должны относиться по-особенному, особенно учтиво и